

дающую утеснителей народа — римлян. В этих антитезах он ясно ставит на одну сторону „humiles“ — простых людей, а на сторону утеснителей их ставит „reges“, „senatores“, „locupletes“, „primores“.¹

Идея отмщения нечестивцам за земные страдания, на которые они обрекли простых людей, выражена в поэме не менее убедительно. Поэт не скупится на яркие краски при изображении ужасной судьбы, ожидающей их. Поднимется тогда плач и рыдание нечестивцев и не будет им нигде покоя на земле. Они будут гореть в страшном пламени, и мать, горящая в огне, не поможет своему ребенку.² Небесный гнев будет свирепствовать повсюду, и куда бы ни побежал нечестивец, его всюду охватит пламень, и он сгорит.³ Не скроется никто в пещере, не убежит никто на корабле.⁴ Сгорит Рим, сгорит и весь сенат, а знатнейшие препозиты и легаты будут обращены в рабов;⁵ святые вступят во владение поместьями.⁶ Не придет им тогда на помощь никто из тех, кого они раньше считали сильными. Это был народный хилиазм, ярко отражавший в переоформленном виде в сакраментальной форме надежды простых людей на лучшую земную жизнь. В восточных римских провинциях масса простых людей упорно защищала эту народную надежду от всяких форм искажения, посредством чего бюрократизирующиеся церковные руководители пытались устранить враждебный для римского государства народный хилиазм; последний, отражая ненависть народных масс к рабовладельческому Риму, под словами „да придет скорее царство твое“ всегда понимал исчезновение Римской империи со всей ее угнетающей культурой. Гонимый церковной верхушкой, народный хилиазм уходил в секты, и его проповедь в обстановке обостренных классовых противоречий получала характер боевой антиримской пропаганды.

Для нас важно подчеркнуть, что этот хилиазм, отражая жгучие надежды угнетенных масс, связывался с вторжениями задунайских племен и прямо указывал им на ту внешнюю силу, которая положит конец их страданиям и осуществит их надежды на лучшую земную жизнь.

Так получали массы идейный толчок к освободительной борьбе и вместе с тем идейное оправдание их переходу на сторону врагов угнетающего их государства. Массы готовы были активно помочь врагам империи и содействовать скорейшему пришествию нового царства Христа.

Этот народный хилиазм, особенно распространившийся в восточных провинциях, становился особенно действенным в период дунайских войн. Начавшееся закабаление обезземеленных крестьян, жестокий налоговый гнет и произвол римских военных и гражданских властей усиливали вражду и ненависть простых людей к господствующему классу, обостряли противоречия между паразитирующими колонизаторами и трудящейся беднотой, создавали революционную ситуацию в восточных провинциях империи. Вместо храмовой или общинной земли в первой половине III в. здесь появились обширные императорские домены и частные латифундии, обрабатывавшиеся обезземеленными и

¹ *Commod., Carm. apolog., 1035; passim; ср.: Instruct., II, 3, 8, 10—13; II, 1, 22 сл.*

² Там же, *Instruct., II, 2, 8.*

³ Там же, *Carm. apolog., 1014.*

⁴ Там же, 1007.

⁵ Там же, 980—981 (*Quorum [т. е. нечестивого царя и др.] primores praepositive legati in loco servorum statim rediguntur iniqui*).

⁶ Там же, 982 (*Interea sancti intrant in colonia Sancta*).